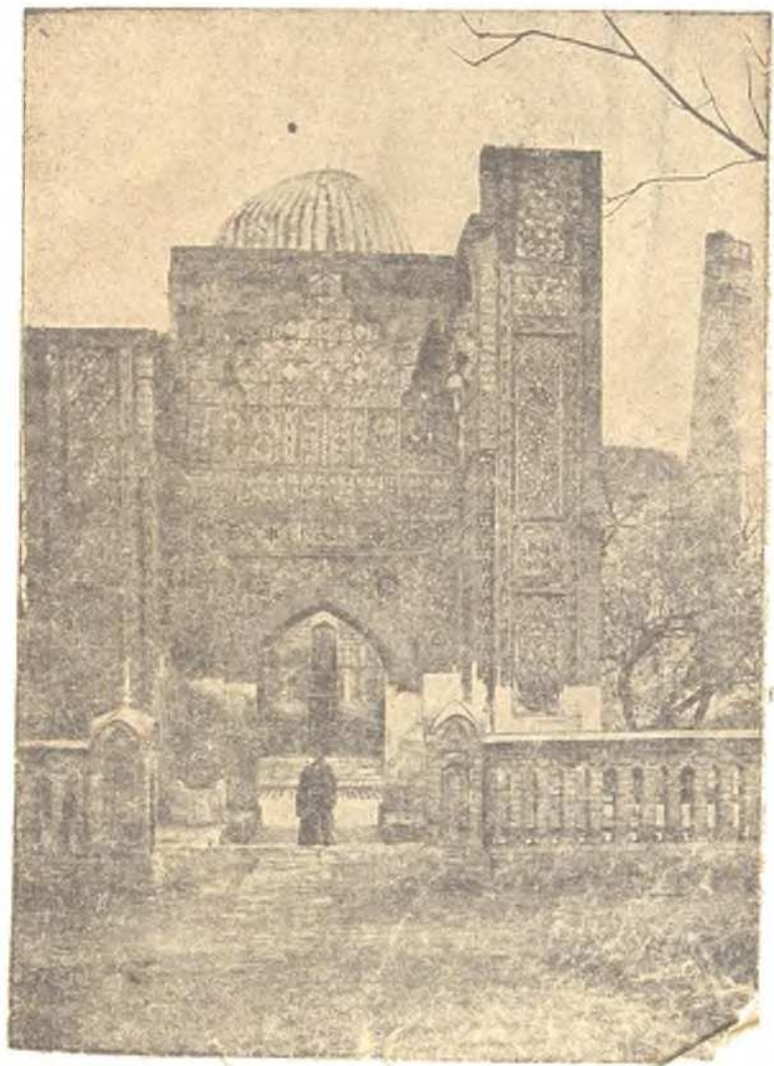

Узбекистанский комитет по делам памятников культуры
САМКОМСТАРИС

В. ВЯТКИН.

Памятники древностей САМАРКАНДА

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

Памятники древностей Самарканда.

Самарканд на теперешнем месте возник после монгольского нашествия (XIII в.) и обнесен был городской стеной в 1369 г. эмиром Тимуром. Окруженный садами и виноградниками, расположенный в обширной долине, с трех сторон ограниченной горами, изрезанной ирригационными каналами, Самарканд со своими памятниками архитектурного зодчества был самым красивым городом, а в климатическом отношении — приятным в Средней Азии. Основание Самарканда обвеяно поэтическими легендами — по одному преданию, его основал Александр Македонский, по другому — иеменский царь Шамар, и т. д. Имена эпических царей и героев Персии связаны с Самаркандом. Наиболее населенный между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей город, блестящая столица мировой империи, основанной Тимуром, Самарканд прославлен поэтами и писателями. „Самарканд руи заминаст“ — Самарканд — лицо земли. Он является одним из наиболее колоритных городов Средне-азиатского Востока.

Порталы и минареты мадрас на Регистане гордо высятся над окружающими обывательскими домиками и лавками — они видны из далека. Попадая на большую, почти квадратную, площадь Регистан, на которую выходят своими огромными фасадами три мадрасы с трех сторон ее, зритель невольно очаровывается — на фоне голубого неба выступают эти мадрасы — две из них с высокими, тонкими минаретами — одеты сплошь в броню из ярких, блестящих, разноцветных изразцов. Здесь поражает прежде всего монументальность сооружений и затем художественная обработка. Кругом мелкие домики — серо, скучно и монотонно. На Регистане — игра красок, свет, радостно и празднично. Удивительно контрастно. Регистан красив в вечернем спокойствии

монументальных зданий и вырисовывающихся в небе тонких минаретов и в знойный туркестанский день при яркости и блеске изразцов и контрасте густых теней под сводами порталов. Тут чуждый европейцу своеобразный мир.

Регистан издавна был застроен лавками — это было главное торжище Самарканда. До недавнего времени здесь находились жратвенные ряды. Тут же, под величественным порталом мадрасы Мирза Улуг-Бека рассказчик маддах громогласно повествовал о подвигах святых и героев, окруженный толпой сидящей на плитах пола под порталом и на каменной мостовой. Он возбужден, и голосом и жестами, полными трагизма, стремится выразить страдание, восторженную любовь и героизм прославленных деятелей давно минувших веков.

Ныне Регистан служит местом митингов и парадов.

Мадраса Мирза Улуг-Бека.

На Регистане первенствующее значение из трех мадрас имеет мадраса Мирза Улуг-Бека, наиболее древнее здание из сохранившихся в Средней Азии мадрас, как по даровитости архитектурного исполнения, так и по мозаичной и изразцовой обработке, достигшей здесь высшего расцвета и оригинальности. Мадраса эта, как видно из двух надписей на фасаде, начата постройкой в 820 г. х. и окончена в 823 г. х. Строителем ее был внук Тимура — Мирза Улуг-Бек. Первоначально здание это имело два этажа, два купола между порталом и минаретами, как теперь в мадрасе Шир-Доре, находящейся напротив, два купола в западной части здания и сводами перекрытый длинный, высокий зал в западной-же части. Теперь этого уже нет. Нет и одного минарета в ю.-з. углу. Поэтому современные очертания этой мадрасы не оставляют впечатления былой легкости, гармоничности частей и особенной ясности. Нарушена последовательность и цельность конструкции. Ко всему тому здание вросло в землю на $2\frac{1}{2}$ аршина.

В отличие от других средне-азиатских мадрас, мадраса Мирза Улуг-Бека имеет два боковых портала, правда, небольших и скупо украшенных изразцами. Центральное место в архитектуре и художественных украшениях мадрас зани-

мал портал — он величествен, с высокой аркой, с колоннами и пилястрами, наряден и пышен в Мирза Улуг-Беке.

Поставленные по углам здания четыре (ныне три) минарета, полные изящества и грациозности, являются необходимым архитектурным дополнением — они делают здание более легким и возвышенным. Мастер дерзновенно поставил их наклонно от здания и они производят впечатление падающих. Один из них, с.-в., действительно, готов упасть, и с 1918 г. притянут стальными канатами к якорям и ждет своего выпрямления. Как само здание мадрасы, так и минареты, закованные в броню из изразцов, производят впечатление монолитных. Минареты с высоты второго этажа и до самого верха полы. В жерле их идут витые лестницы. Утончаясь последовательно, минареты заканчиваются сразу как-бы шапкой с крутыми свесами, обрамленными сталактитами и широкой лентой крупного письма под шапкой, по суженной шейке.

Изразцовая облицовка здания мадрасы Мирза Улуг-Бека разнообразна и доведена до высокой степени художественного и декоративного совершенства, представляя сочетание геометрического и растительного орнамента с каллиграфическими разных почерков письменами. Плоскости стен расчленены в горизонтальном и вертикальном направлении арочками в четырехугольных рамах, поясами, цепями медальонов и пр., соотношение частей гармоничное и соблюдена симметрия. Композиции свободные и легкие.

Поверхность стен и минаретов, щеки и свод в портале покрыты геометрическим узором из синих с белыми изразцов, образующими как-бы сетку. Эти геометрические узоры заостренно-овальной или четырехугольной формы разнообразящиеся разными придатками, заполнены куфическими письменами из голубых изразцовых кирпичиков, образующих надписи. Все это несравненной красоты и блеска. Вообще в показательных частях надписи переплетаются с орнаментом и придают много жизни орнаментальным мотивам, не только не нарушают рисунка, но усиливают его.

Уровень двора мадрасы остался первоначальный и лежит гораздо ниже прилегающих площади и улиц, где в течение пяти веков образовалось новое наслоение почвы, похоронившее глубоко панель здания.

Внутри двора по колонкам в арках тонко выписаны золотые травы и цветы по бирюзовому полю. Это мастерство ювелира. Здесь, как в книжных заставках старых мусульманских рукописей, тщательно выписана каждая деталь.

На щеках арки и по изгибам ее широкой непрерывной полосой расположены мраморные плиточки различных форм, с особым в каждой из этих 150 плиточек орнаментом. Плиточки эти остаются незаметными среди блестящих изразцов. Находящиеся же на высоте плохо видны и теряют в подробностях и законченности исполнения.

На дворе в каменной панели вставки синих изразцов образуют геометрический орнамент. Это удачная попытка сочетать серый камень и красочный изразец.

Мадраса Шир-Дор.

Как раз против фасада мадрасы Мирза Улуг-Бека величественно возвышается портал мадрасы Шир-Дор с ребристыми на высоких барабанах куполами по сторонам и тонкими минаретами в углах фасада. В основном план обоих мадраса один. Может быть, строителя Шир-Дора понудило к подражанию присущее Средне-азиатскому Востоку чувство симметрии, а не недостаток собственной фантазии и смелости. Построен Шир-Дор на два столетия (1618 г.) позже мадрасы Мирза Улуг-Бека Ялангтуш-бий-Бахадуром, узбеком рода алчин, сановником эмира Имамкули хана, на месте развалившейся к тому времени ханаки Мирза Улуг-Бека же.

Замечательно, что начавшая умирать древность еще раз собралась с силами, еще раз сделала напряжение, чтобы оставить потомству ряд прекрасных памятников в Бухаре и Самарканде и лучший из них — Шир-Дор. По присущим ему техническим качествам он много ниже тимуридов, но для своего времени он является высоким образцом. В орнаменте его мы находим отзвуки далекой старины, элементы накопленного веками художественного богатства, результаты исканий и мастерства, но это лишь вспышка, скоро потухшая.

Шир-Дор грубее и грузнее своего образца, композиции здесь утратили свою свободу и легкость, техническое исполнение изразцовой одежды понизилось и в сооружении, прежде всего, останавливает внимание зрителя мощьность целого.

Он сохранился лучше Мираза Улуг-Бека и помогает восстановить кое-что из утраченного им.

Фасад мадрасы Шир-Дор, заключенный между двумя слегка наклонными, тонкими минаретами, представляет высокий портал обширной стрельчатой аркой и более низкими крыльями по сторонам. Минареты утратили венчающую их шапку, которая сохранилась на бухарских минаретах. Над крыльями уцелели на высоких барабанах ребристые купола, которых не сохранилось у Мирза Улуг-Бека. Низ обшит панелью из серых мраморных плит с такой же полосой орнамента в виде горизонтально-лежащих рядов арочек и с лентой из мраморных плит с рельефными отполированными письменами.

В расчленении частей портала строитель Шир-Дора, имя которого вписано в медальоне с черным фоном белым письмом над внутренней аркой портала — „эта постройка возведена искусством Абдул-Джаббара зодчего“, подражал своему образцу, но композицию орнамента применил иную. В тимпанах портала изображено по льву (тигру), преследующему серну и за львами по восходящему солнцу в лучах — необычайно редкий животный мотив, так как мусульманами один текст корана был понят буквально: „не сотвори себе кумира...“, и животный орнамент не допускался. Окраска львов имеет отчасти естественный характер тонов — желтый с светлым низом, но серны изображены белыми, с черными пятнами, как и солнце. Вообще же говоря, выбор красок имеет условный характер.

В портале Шир-Дора значительное число орнаментальных мотивов, но преобладает, за исключением тимпанов, геометрический орнамент из мелких изразцов и только внутренняя арка, отличающаяся свежестью цветов, почти сплошь мозаична, с преобладанием желтых и синих тонов, по сюжету и краскам однотипна с наружными украшениями двора мадрасы. Все-же и в фасаде ярко играют краски, оживляются линии рельефных рам и тяг с тенями в углублениях и солнечные блики полосами ложатся по облицовке минаретов и portalу. Огромные площади наружных стен мадрасы, за исключением порталной, плоские, без карнизов, были-бы крайне скучны и монотонны, если-бы не были украшены сплошь орнаментом из изразцовых кирпичиков излюбленного

для таких плоскостей типа — в геометрической сетке синих тонов прямоугольное куфическое письмо голубого цвета. Маленькие окна в стене кажутся пробоинами.

Двор мадрасы, окруженный со всех сторон стенами с двумя ярусами арок и посредине их с высокими, выше крыши, порталами с стрельчатыми арками и глубокими глухими нишами, эффектен совокупностью всех его частей. Здесь резко выступает желтый тон, менее приятный, чем в тимуридских постройках, он, в сочетании с синим, лишает красочность мягкости. Наиболее изысканно орнаментированы порталы арок и глубокие ниши в них, расчлененные в северной и восточной арках на грани. Полукупольный свод ниш составлен из секторов. Таким образом дан ряд плоскостей для орнамента.

Одним из главнейших орнаментальных мотивов, перешедших от прежних веков, является стилизованный растительный орнамент в виде спирали. Основной штамп состоит из последовательно одна из другой выходящих спиралей, от которой идут симметричные отростки с небольшими трехлепестковыми листочками и бутончиками в виде репейков. Также главным элементом декоративного стиля является широкий, может быть стилизованный виноградный лист иногда неестественно удлиненный. Оба эти мотива во дворе Шир-Дора царят наравне с синими горизонтальными и вертикальными поясами с белыми надписями, стиль которых связан также с декоративным украшением.

Весьма эффектны в нише западного портала на щипцовой стене и щеках красивые мозаичные вазы с стилизованными букетами цветов. Вазы с продольными полосками по горлышку и низом в виде изогнутых листьев. Выше по синему фону белая историческая надпись на персидском языке, которую я привожу ниже в переводе. У мусульманских авторов, описывавших архитектурные сооружения, монументальность их ставилась в особую заслугу и на первое место. Прежде всего требовалась колоссальность, внешний эффект и затем художественная обработка. Высокопарность, напыщенность, крайние преувеличения, удивительные метафоры присущи этим авторам. Так упомянутое стихотворение о постройке мадрасы заключается в следующем:

Военачальник, полководец, справедливый Ялангтуш! Если прилетела стрела восхваляющая его совершенство — это изящный язык, полный жемчуга. Он соорудил такую мадрасу, что земля доведена им до зенита неба — это знамя взаимного их украшения. Годами не достигнет высокой вершины его портала мощью и усердием искусных крыльев орел ума. Веками не достигнет верха запретных его минаретов искусный акробат мысли по канату фантазии. Когда архитектор точной правильности воздвиг изгиб арки портала, небеса, приняв ее за новую луну, прикусил палец от удивления. Так как Ялангтуш Бахадур был основателем ее, то получается счисление года ее постройки (из слов) Ялангтуш Бахадур*.

Если мы сложим цифры, заменяющие буквы в словах Ялангтуш Бахадур, то получим год основания мадрасы Шир-Дор 1028, соответствующий христианскому 1618.

Мадраса Шир-Дор включает ряд жилых помещений в обоих этажах, две аудитории в углах восточной стены и два обширных зала под куполами фасада — в одной помещается мечеть с росписью по стенам и в другой могила одного из имамов, потомка имама Джаафара. Верх портала со стороны двора необлицованный, укреплен с задней стороны рядом опорных арок или тяг.

В Шир-Доре архитектурные и художественные элементы, при всех недостатках его, хорошо выдержаны и представляют законченное целое.

Мадраса Тилля-Кари.

Мадраса Тилля-Кари, ограничивающая площадь Регистана с северной стороны, построена также Ялангтуш Бахадуром и моложе Шир-Дора только на 12 лет. По фасаду она имеет излюбленный, почти неизбежный в Средне-азиатской архитектуре мадрас, высокий портал с стрельчатой аркой, по сторонам которого вытянуты в два этажа худжры с арками и нишами и выходом на площадь. Арки эти, покрытые изразцами и мозаикой, придают фасаду большее оживление, нежели сплошные стены соседних мадрас, хотя и расчлененные на фальшивые арки. Фасад Тилля-Кари, благодаря своим аркам, своеобразен и красив. В углах по фасаду небольшие минаретики, немного возвышающиеся над вторым этажом своей фонареобразной верхушкой.

Слишком много изразцовых украшений в портале утра- тилось, так как верх его выше пят свода, после падения еще в старое время переложен был целиком, отчасти остался непокрытым облицовкой или облицован случайными изразцами, так что восстановить композицию верха портала не представляется возможности. Но и уцелевшие орнаментальные изразцовые украшения характеризуют начавшийся упадок в искусстве. Тут огрубелость орнамента, аляповатость и пестрота еще больше, чем в Шир-Доре.

Обширный двор мадрасы занят с трех сторон кельями в один этаж и с западной — соборной мечетью с высоким порталом и за ним возвышающимся обширным барабаном, давно лишившимся венчавшего его купола. В этой мадрасе главной и наиболее важной частью является мечеть, по сторонам которой расположены обширные помещения, своды которых поддерживаются рядами колонн. В этой колоннаде небольшие по размерам купола вызывают излишне большое число опорных частей в виде многогранных кирпичных колонн, вообще очень редко встречающихся в местной архитектуре.

Внутренность просторной мечети мрачна, вследствие чего теряется прекрасная живописная роспись ее по алебастровой штукатурке. Приглядевшись, вы видите, что роспись еще крепка, многокрасочна, разнообразна и местами имеет мелкий рисунок — растительный и геометрический. Досадно, что нельзя дать свету, чтобы оживились краски. Глубокая ниша в западной стене (михраб) отделана камнем и плиты камня были позолочены. Местами позолота сохранилась на выпуклых частях, местами на углубленных. Повидимому покрытие камня золотом было сплошное. Минбар (кафедра) из черного мрамора с рядом ступенек гармонирует общему тону.

Внешние стены двора в тимпанах выложены чаще широколистным орнаментом на спиралях стеблей, кругами и геометрическими фигурами. Если Шир-Дор может вызвать высокое мнение для своего времени о строителе, то Тилля-Кари является только слабым подражанием ему.

Гурри-Эмир.

Из истории Средней Азии нельзя усмотреть, чтобы религиозное чувство населения давало ему самому понуждение к постройке капитальных общественных сооружений. Мате-

риальные средства на создание их давал не народ и даже не капиталисты, а правители и сановники, даже в случаях, вызываемых потребностями веры. Здание, в котором впоследствии похоронен был Тамерлан, гробница достойная его могущества, основано было им лично (в 805—1404 г.), но закончено несколько позже, скорее всего Мирза Улуг-Бекон.

Мавзолей Гури-Эмир заключен в пристройки со всех сторон, которые преобразили его внешний вид. Нижняя часть здания закрыта ими. Первоначально же оно разбито было исключительно вверх. Величавый купол мавзолея, мягкий по очертаниям, и теперь, с испорченным постройками видом, показывает неудержимое стремление вверх. Основание здания представляет четырехугольную призму со ~~слонка~~ срезанными углами, на нем поставлен многоугольник, на котором покоится высокий барабан, увенчанный ребристым в вертикальном направлении куполом. По краям северного парадного фасада возвышались два минарета. Благодаря чистоте и легкости форм, здание должно казаться, несмотря на свои большие размеры, грациозным, в нем чувствовался порыв в высь, к небесному, как-бы оторванность от земного.

В сущности, основными элементами конструкции мавзолея Гури-Эмир служат четыре массивных устоя в углах здания рассчитанных на распор и давление почти всего верха здания, барабан и два купола — внешний и внутренний. Пространство между устоями занято глубокими нишами с сводчатым потолком и тонкими замыкающими стенками, поставленными по внешней линии устоев. Над арочками ниш толщина стен на всем протяжении одинакова и внутренний план становится квадратным. На углах квадрата поставлены арочки, заменяющие паруса, а над ними многогранное кольцо, с которого легко переходили в окружность внутреннего купола.

Нижняя поверхность стен была сплошь обшита плитами зеленоватого, гладко отполированного мелкозернистого мрамора, обработанного в каждой из плоскостей стен в широких рамах в большие шестигранные шашки с прокладкой по граням полосок темного змеевика, затем, выше идет из мраморных же плит полоса на подобие карниза с углубленными арочками, раскрашенными в несколько цветов, и над ней другая полоса из мрамора с крупным рельефным письмом.

Внутренняя сплошная роспись стен по алебастровой штукатурке представляет скудные остатки бывшего великолепия и только внимательное изучение ее может вызвать мнение о хорошем вкусе мастера. В росписи преобладают зеленоватые под цвет панели краски. Свод и арочки в углах подним обшиты были сплошь тисненными пальметками и розетками из шелковой папки, окрашенной в золото и другие цвета. Верх ниш у смыкания свода с щипцовой стеной заполнен сталактитами, имеющими вид ячеек пчелиного сота алебастровыми налепами, разнообразно раскрашенными и обработанными, придающих мягкость контурам углов.

За мраморной сквозной решеткой чудесной работы с разнообразными орнаментальными сюжетами по раме ее и колонкам, восхищающими гибкостью резца и широтою фантазии, находятся надгробные камни и возвышения самого Тимура, его двух сыновей, двух внуков и духовника учителя. И вот здесь у черного траурного нефритового, гладко отполированного надгробия с отчетливой надписью родословия Тимура вспоминается все то страшное и трагическое, что принес в мир лежащий под ним человек. Дневной свет слабо проникает в мавзолей сверху, через два ряда в каждой стене окон, одно над другим, с решетчатыми переплетами. Тут полумрак, тишина и покой.

Незаметная лестница, спускаясь под пол, ведет в склеп. В склепе мрачно и сыро. Свод склепа построен смело, почти в горизонтальной плоскости. Белые швы кладки, выступая на коричневом фоне притертых кирпичей — сухариков, образуют целую паутину. Углы основания склепа развертываются в паруса. На полу из больших каменных плит лежат надгробия, испещренные письменами.

Лишь небольшой портал с арочкой, остатки пилястр которого сохранились, и два минарета по сторонам здания, несохранившиеся ныне, подчеркивали фасад его. В среднеазиатской архитектуре особенно заботливо и красиво орнаментировались порталы. В мавзолее Гури-Эмир сделано было отступление — он не был ни художественным, ни величественным. Другая особенность мавзолея заключается в полном отсутствии в наружных украшениях мозаики и растительного орнамента. Как известно, тело зданий и их изразцовая облицовка не составляют одного целого — последняя

нашита помощью алебастрового раствора на готовую кладку стен и других частей здания.

На близком расстоянии орнамент основного здания, по преимуществу крупный, выступает отчетливо, а дальше сливается и образует нежный голубой цвет. Каждая сторона призмы основания, заключенная в раму, разбита по диагоналям синими кирпичиками на геометрическую сетку, ячейки которой чередуются и заключают внутри слова из прямоугольных голубых букв, вытянутых также по диагоналям. При наложении рисунка исходили из квадрата и поэтому весь он производит впечатление вышивки „крестиком“. Форма и расположение текстов таковы, что они кажутся орнаментом.

Высокий барабан, украшенный также орнаментом из квадратных кирпичиков, с опоясывающей его сине-голубой полосой под самым куполом, с преобладанием коричневых кирпичиков ниже, имеет текст из белых в синем обрамлении кирпичиков, вытянутый вертикально почти во всю его ширину, видный издали. Строгий и скупой орнамент стен здесь на барабане, несколько оживлен и разнообразен. Ребристый в вертикальном направлении, купол, одетый когда-то майоликовой черепицей голубого и синего цвета, мягко свешивается слегка над барабаном, декорированный по свесу сталактитами.

Вход во двор мавзолея с северной стороны не поражает своими размерами. Портал входа совершенно независим от главного здания и стоит одиноко, так как от окружавшей двор ограды уцелел только он. Однако, изразцовая облицовка его по силе, сочности, свежести и чистоте превосходна. Роскошно, изысканно украшенный изящным, разнообразным орнаментом и каллиграфическими письменами из ярких голубых тонов мозаичных и майоликовых плиточек, портал этот контрастен со строгим орнаментом основного здания. Тут в общем колорите слиты такие резкие краски, как белая, зеленая, синяя, голубая, желтая, черная и золото. Краски усилены оконтурованностью отдельных сюжетов. Как правило, каждый отдельный орнаментальный сюжет заключен в раму, чем резко подчеркивается его содержание. В арке этого портала, свод которой не сохранился, остались еще и напуском свешиваются изразцовые сталактитовые украшения, превосходно выполненные. Над входной аркой

в медальоне по голубому синему фону белыми буквами вписано, что это „работа слабого раба архитектора Мухаммада сына Махмуда из Исфгани“.

Ак-Сарай.

Чуть подальше на в. от Гури-Эмира находится затерянная среди обывательских домиков жалкая руина, лишенная внешних атрибутов, присущих самаркандским памятникам старины — бирабана, купола и изразцовых украшений, именуемая в народе Ак-Сараем, тождественная с именем чудесного дворца Тимура в Шихриябзе. Постройка эта по всем данным относится ко времени Тимура или Тимуридов и является несомненно мавзолеем. Однако, некоторая неясность и скудость исторических данных делает ее загадочной и даже мнение о том, что именно здесь первоначально были похоронены Тимур и его внук Мухаммад султан, ныне подвергнуто сомнению. Каких либо следов изразцовых украшений во внешних частях здания не имеется и при раскопках у стен его не найдено.

Памятник этот заслуживает внимания по чудесным внутренним украшениям. Панель его, от которой остались только кусочки, дающие возможность реставрировать ее, была мозаичной, с вазами и букетами, но, повидимому, не была закончена. По яркости красок и сочетанию желтых и синих цветов мозаики, она исключительна по красоте. Видимый свод, переходы стен в него, арочные ниши и арки — паруса представляют разной толщины сплошную алебастровую штукатурку, опирающуюся на основную кладку или привешанную к ней только местами, причем линии изгибов основной кладки не совпадают со штукатуркой и между ними остается иногда весьма значительная пустота. Поэтому внимание зодчего сосредоточено не на разработке закрытого штукатуркой и отделенного от него пустотой кирпичного основания здания, остающегося не провилированным, а, лишь на самой штукатурке, подвергнутой Ак-Сарае тщательной обработке. Свод кажется составленным из отдельных филенок геометрической формы, чаще в виде вытянутых параллелепипедов, поставленных под некоторым углом одна к другой, иногда с изломом по середине, дающим вогнутость и делящим фи-

ленку на два поля. Грани филенок имеют вид рельефных рам, а ребра углов и загибов арок подчеркнуты с обеих сторон широкими рамами орнамента с рельефными в них продольными валиками.

Рух-абад.

На севере от Гури-Эмира, в нескольких стах шагах от него расположен большой мавзолей, построенный над могилою мистика Бурхан-ед-дина Сагарджи, умершего в XIV в. Точно время постройки этого здания, известного под именем Рух-абад (обитель духа), в котором будто-бы в своде вделан ларец с волосом пророка Магомета (муимубарак), остается неизвестным. По преданию его воздвиг Тимур. Рельефное изразцовое украшение вокруг заложенной северной двери указывает, что здание надо отнести к половине XIV века. Вообще же отсутствие на здании других изразцовых украшений служит препятствием к более точному определению времени постройки по наружному виду.

Холодная простота внешнего облика и некоторая грузность — основные черты этого сооружения. Оно кажется не законченным. Здесь нет ни барабана, ни внешнего купола которые предполагалось соорудить, но которых, вероятно, ни когда не было. Входов в здание три — южный с древней дверью, резной, филенчатой и имеющей изображения рыб, но заложенный, северный в раме из изразцов в виде тарелок, и западный, через который ныне попадают внутрь здания. Дверь здесь массивная, хорошей резьбы, но новая. Ни портала, ни обширного фасада нет.

Слишком обширная внутренность помещения более чем скромна, безотраднa и вполне гармонирует с внешностью. Серая, высокая, в шашку панель, сероватые голые стены, без каких либо признаков росписи, неглубокие ниши — все это слишком просто, необычно для мазаров, которые любили украшать изразцами и живописью. На полу ряд намогильных возвышений из алебастра и камней. На некоторых удержались следы изразцовой обшивки.

Чиль-духтарон.

На юг от Регистана, в сотне шагов от него, находится затерявшаяся усыпальница шейбанидов. Это уже погибший

памятник старины. Построенный в XVI веке, он погиб так давно, что уже в народе утратилось воспоминание об истинном его назначении и сложилась легенда о сорока девах, похороненных здесь, почему и самый памятник называется Чиль-духтарон — сорок дев. Обилие могильных камней здесь послужило, вероятно, поводом к созданию легенды о сорока девах.

В Чиль-духтароне уцелели лишь жалкие остатки стен. Здание это, судя по сохранившимся частям стен, было довольно солидное по размерам, обычное в плане, с купольным перекрытием. Внутри оно было украшено изразцовой голубой в шашку панелью в очень широкой мозаичной раме с растительным орнаментом, по тону и технике еще тимуридского характера. Стены украшены были отличной в несколько красок росписью. Наружные же стены не сохранили остатков изразцовой отделки. Намогильные камни покрыты надписями о времени смерти и именах похороненных лиц.

Суфа Шейбани-хана.

Посреди жалкой, построенной в недавнее время мадрасы носящей имя Шейбани-хана, узбекского завоевателя Средней Азии находится высокое из каменных, полированных плит и брусьев сложенное с каменными же колонками по углам возвышение. На этом возвышении лежат ряды намогильных камней, густо испещренных надписями, а под камнями могилы Шейбани-хана, его родственников и лиц их семейств. На месте теперешней мадрасы и восточнее от нее были построены две смежных мадрасы, выходивших порталами в разные стороны, одна Шейбани-ханом, а другая его женою. Они развалились давно, но на дворе первой из них оставалось указанное возвышение с намогильными камнями. При проведении прямой улицы, уже при русских, оказалось необходимым его перенести западнее и поставить там, где оно находится и ныне.

Нельзя обойти молчанием художественную сторону намогильных камней, которые обрабатывались обычно в виде призм с квадратным основанием и высотой в рост человека. Местные породы — мрамора, известняк, песчаник и др. служили материалом для изготовления намогильных камней и

и плит. В Самарканде только со времени Тимура стали широко пользоваться так обработанным камнем в качестве надгробий. До этого, при монголах делали кирпичные алебастровые надгробия, облицованные изразцами, а раньше, с первых веков ислама употребляли в качестве надгробий речную гальку, которую покрывали письмом. Художественную обработку получили большие камни со времени Тимура. Эти камни испещрены каллиграфическими надписями, обработаны линейным и растительным орнаментом, колонками и нишами, покрыты букетами цветов в вазах, чаще на верхней поверхности. Резьба по камню вообще и в частности на могильных камнях достигла значительного совершенства в период с конца монгол и кончая шейбанидами. Гибкость резца, точность и изобретательность в орнаменте останавливают внимание зрителя.

Биби-Ханым.

Несколько минут ходьбы от Регистана и перед вами широко раскинувшиеся развалины соборной мечети Биби-ханым, архитектурная красота которой остро воспринимается в контрасте с окружающими лачугами. Связанная с именем царицы Биби-Ханым, окутанная поэтическими легендами, но построенная Тимуром (801—805) в зените его славы и могущества, эта соборная мечеть, которую мировой завоеватель заканчивал с необыкновенным воодушевлением и чрезвычайной торопливостью, является самым мощным архитектурным сооружением во всей Средней Азии. Она исключительно монументальное, рассчитанное на эффект масс и цельность общего впечатления сооружение. Если строитель поставил своей задачей поражать и восхищать зрителей, то он достиг цели. Досадно, что мечеть эта давно заброшена и предоставлена медленному разрушению.

Соборная мечеть Биби-Ханым состояла из четырех зданий, существующих и ныне, окружающих большой двор — главной мечети в западной части, входной арки в восточной, и двух малых мечетей с южной и северной сторон. В простенках между этими зданиями находились сплошные, открытые в сторону двора террасы с куполами, поддерживае-

мыми каменными колонками. Расположение этих зданий давало двору форму прямоугольного четырехугольника, по углам которого с наружной стороны высились минареты. Один из них, и то только в части, сохранился по ныне. Под колоннадами молящиеся скрывались от непогоды и жары.

Через обширный, уходящий в высь портал, с огромными полуколоннами — упорами по бокам, с глубокой двойной аркой, внутри которой в замыкающей стене из полированных мраморных плит и брусьев находились врата из семи сплавов, вступали во двор мечети. Над вратами была вделана огромная белая мраморная плита с именем строителя и годом начала работ. На другом конце — главная мечеть. Сочетание обширной арки, шестигранных высоких минаретов и массивного купола производят впечатление гармонии и цельности. Под огромной аркой, под которой поместится Гури-эмир, чувствуется истинное величие старины. Постройка ее при пролете в 24 метра заключала задачу огромной трудности. Свод арки, кроме того, отягощен навешанным на него толстым слоем изразцовой облицовки.

За аркой на высоком барабане с темно-голубым фоном и белыми саженными буквами текста безраздельно царит бирюзовый цвет огромного гладкого купола „спорящего с небесным сводом“ — и по размерам и по цвету, как писали местные поэты. В громадной массе сооружения не пропадают совершенные его части, которые сами по себе красивы, как напр., детали шестигранных минаретов, примыкающих к portalу этой арки и выдвинутых вперед. Не имея по рисунку ничего общего с порталом, они неразрывны с ним, органически связаны и не нарушают гармонии.

План главной мечети обычен и прост, но при обширности внутреннего помещения особенно ясен и отчетлив. Волнение охватывает при виде колоссальной арки и чудом держащейся, всей в скважинах еще неупавшей части свода над мечетью. Живописная роспись внутри мечети поблекла и выцвела и ныне с трудом разбирается на облупившихся, потрескавшихся стенах и только выше пят в арках, на свешенных плоскостях удержалась в тонах, близких к первоначальным. Серый фонд, местами детальность рисунка, обломанные углубления для рельефа затрудняют рассмотрение живописи. Тем не менее, можно проследить, как были деко-

рированы росписью стены мечети, которые для этой цели расчленены были на отдельные поля, заключенные в рамы. Панель была, вероятно, из мраморных плит. Самый свод и разгрузные арки украшены были цветными папковыми пальметами.

Находящийся на дворе мечети огромный каменный люпитр, дар Мирза Улуг-Бека, прежде стоял в самой мечети и уже при русских вынесен был на двор. Кроме того, в ней находился стальной минбар (трибуна) в северо-западном углу. Углубленные в северной и южной стенках ниши впоследствии были заложены, почему стены здесь как-бы двойные, но небольшие узкие дверные проемы в них были оставлены.

Главная мечеть представляет нагромождение частей — на четырехугольную призму поставлена, несколько отступя от наружных краев, другая со срезанными углами, а на нее многогранная и затем барабан, а на барабане наружный купол, который слегка навешивается над барабаном и место свеса заполнено сталактитами.

Основной орнамент всех сооружений Биби-Ханым, за исключением колоннад, обычный на монументальных постройках, подобных мечетям и мадрасам — это покрытие на фоне неполированного красновато-коричневого кирпича больших плоскостей повторяющимися параллелограммами и ромбами, расположенными острыми углами по вертикальной оси и составленными из синих кирпичиков, иногда с контурами из белых. В общем это целая сетка. Такие геометрические фигуры заполнены прямоугольными буквами куфического письма, из которых составлены имена божии, первых четырех халифов и пророка Мухаммада. В средне-азиатской архитектуре значение надписей не ограничивается обычным практическим их назначением, здесь они должны быть причислены к орнаментике, ибо получают разнообразную художественную обработку; они необходимый элемент убранства зданий наравне с другими орнаментами, при обилии и разнообразии в начертаниях и почерках. Нередко буквы имеют настолько близкое к арабескам и геометрическим фигурам изображение, что трудно догадаться, даже грамотному человеку, что это письма, тем более, что часто они лишены здесь необходимой своей принадлежности — точек.

Приемы размещения орнаментов в зданиях были довольно разнообразны. Барабаны, представляющие весьма удобные поверхности для писем, заполнялись по окружности крупным и четким, с вертикальными преимущественно буквами текстом, который можно читать издали, арочки в углах между четырехугольной рамой и изгибом арки заполнялись изысканными, законченными мозаичными или майоликовыми рисунками, устои порталов покрывались рядами вертикальных лент и т. д. На больших площадях с геометрическим орнаментом редко можно наблюдать растительные элементы, а при всякого рода волутах и завитках растительного орнамента употреблялся больше стиль письма вяз или райхани, связанный со стилем орнамента.

В Биби-Ханым замечательны изящные многогранные полустолбы в портале главной мечети. Каждая грань разделена на несколько ярусов с особым ярким, блестящим орнаментом в виде звездочек и арабесок в рельефных рамках.

Внутри арки перед входом в главную мечеть, под линией перехода щек в изгиб свода, идет непрерывная синяя широкая полоса с белыми письменами, во всю ее ширину, непрерывающаяся и на задней стенке, замыкающей арку, и с полосой более мелких писем желтого цвета поверх белых. Под ней мраморная доска с именем строителя Тимура и датой начала постройки — 801 (1400 г.).

Мавзолей Биби-Ханым.

Мавзолей Биби-Ханым, самой популярной из жен Тимура, с именем которой связан ряд легенд, построен был, видимо, для матери ее, умершей еще при жизни Тимура, задолго до смерти самой Биби-Ханым. Здание это, находящееся против соборной мечети Тимура — печальная и жалкая развалина, ободранная, и с внешней стороны несколько не напоминающая о какой-либо красоте. Время беспрестанно продолжает разрушать ее. По конструкции она довольно обычна для подобного рода сооружений: квадратное в плане основание со срезанными углами, на призме многогранное кольцо, затем барабан и купол. Здание это лишено изразцовой облицовки, за исключением маленького куска барабана, уцелевшего с восточной стороны, и части пояска под бывшей панелью в фасаде. Можно предположить, что фасадная

сторона мавзолея имела изразцовые украшения, остальные же стороны таковых не имели, о чем свидетельствует гладкая с пригнанными швами кладка стен.

Как повторяющаяся надпись на барабане из белых вертикальных букв по синему полю, так и пояски, обрамляющие ее, одинаковы с таковыми же на барабане соборной мечети Тимура. Трудно сказать, кто у кого заимствовал этот орнамент. Большой проем в западной фасадной стене представляет сквозную стрельчатую арку.

В мавзолее Биби-Ханым большой интерес представляют украшения внутри помещения. Над изразцовой панелью с приятными зеленого цвета звездами, заключенными в мозаичную раму, идет красочная роспись стен голубоватой, красной и черной краской, причем стены расчленены на отдельные поля, взятые в широкие каймы рам. Некоторые поля покрыты ландшафтами. Однако, ландшафтная природа здесь чужая — деревья и кустарники с широкими листьями, как у пальм и с редкими красными плодами. Перспектива отсутствует.

Красиво сгруппированные, отлитые из алебаstra и раскрашенные сталактиты навешаны в арках ниш таким образом, что образуют сплошную как-бы штукатурку, которая опирается на щеки ниш и на изгиб свода арки, оставляет между собою и черным телом здания пустоту. Впрочем, это обычный прием укрепления сталактитов и покрытия сводов гипсовой штукатуркой и даже изразцами, как мы видели.

Вход в склеп мавзолея не из верхнего помещения, а снаружи, через особую дверь и корридор. В отличие от других склепов, он облицован синими, голубыми и неполированными, притертыми кирпичиками. Верх его пробит при падении свода верхнего помещения и тогда стоявшие посредине склепа четыре каменных саркофага с такими же крылками перенесены были в ниши. Это единственный пример мусульманских похорон в Средней Азии в каменных гробах.

Шахи-Зинда.

От Биби-Ханым несколько минут ходьбы — и вы в Шахи-Зинда, облупившиеся купола которой, вытянутые с юга на север, видны издали.

На северной окраине Самарканда, на возвышении городища Афрасиаба, частью на самой его городской стене, обра-

тившейся ныне в вал, частью по откосу возвышенности и частью за валом, среди обширного кладбища, находится группа мавзолеев, связанных между собою общим корридором и вытянутых с юга на север. Эта группа мавзолеев носит общее название Шахи-Зинда, по имени похороненного, согласно преданию, в одном из них святого — Куссама сына Аббаса, двоюродного брата пророка Мухаммада.

Наиболее древнее из этой группы здание относится, судя по сохранившейся дате, к 735 г. х. (1336 г.). Вместе с тем это и наиболее старое здание в Самарканде, одно из немногих в Средней Азии, сохранившихся от времени монгольского владычества. Наиболее же молодая из Шахи-Зиндинских построек — это портал входа, построенный в 834 г. х. младшим сыном Мирза Улуг-Бека — Абдул Азизом и украшенный изразцами.

Поднявшись по высокой и обширной лестнице, на верхнюю площадку, под первую сень, и оставив два купольных сооружения с левой стороны, зритель попадает в узкий корридор с мавзолеем по обе стороны. Общий вид их поражает своею красочностью, нарядностью и благородным изяществом изразцовых одежд. Они бесподобны по общему эффекту, по неожиданной новизне и разнообразию орнамента. Обилие орнаментальных сюжетов растворяется в общей массе впечатлений. Богатство деталей их поразительно, здесь наиболее пышно развернулось искусство больших мастеров, зрелое творчество таланта.

Тут нет присущей средне-азиатской архитектуре грандиозности, тут зритель испытывает обаяние красоты, тут каждый портал талантливая картина, вызывающая эстетическое наслаждение. С правой стороны находится портал Туглу-текин, жены эмира Хусайна, умершего в 777 г. х. Портал этот с кружевными рельефными лентами и колоннами голубой поливы, с майоликовыми плитками, с полосой вставок в виде медальонов в четырехугольных рамках, с рельефными письменами, обрамлением арочки кирпичиками в виде разноцветных сухариков. Наравне с рельефным орнаментом тут же отличный плоскостный майоликовый.

Рядом с Туглу-текин находится удивительная по мозаичной тонкой и художественной работе бесподобная усыпальница Ширин-Бека аки, сестры Тимура (787 г. х.) с значитель-

ным количеством, как нигде, темно-малинового, почти черного, траурного цвета высоко художественной мозаики в соединении с белыми письменами с тончайшими исполненными мозаикой растительными орнаментами по portalу.

Рядом с Ширин-Бека акой маленькая купольная усыпальница необычного плана — она многогранна с сквозными арками в каждой стороне и отличается большой скромностью по изразцовой отделке.

Напротив Туглу-текин находится мавзолей так называемого Амир-зада (788 г. х.) с плоскостным по преимуществу орнаментом травяным и цветочным на майоликовых плитках с значительным количеством желтых тонов, с красивыми каймами, делящими сюжеты и отграничивающими линии изгибов сводов и углы стен. Рядом с Амир-зада стоит превосходный мавзолей одной из жен Тимура — Туркан аки (773 г. х.), лучше других сохранившийся, фасад которого весь кружевной, бирюзовый с колонками как-бы резными, с раскиданными по ним длинными, крупными листьями, белыми с голубоватыми краями на стебельках, как-бы обвивающих колонки, с крупными стилизованными голубоватыми с зелеными прожилками листьями над входной аркой, с рельефными медальонами, с заполненным сталактитами верхом ниши в неглубокой арке портала. Над аркой в портале интересен орнаментальный мотив стилизованной виноградной лозы, редко встречающийся здесь, на своей родине, несмотря на то, что он удобен для покрытия значительных плоскостей. Внутренние стены и купол, составленный из секторов, сплошь покрыты изразцами и майоликой, что помещению усыпальницы придает нарядный и радостный вид. В числе других мавзолеев Туркан-ака построен персидскими мастерами. Их искусство украсило Самарканд такими памятниками, каких нет в самой Персии.

Все эти мавзолеи, за исключением многогранного, судя по датам смерти похороненных в них лиц, построены, вероятно, на протяжении только полутора десятка лет, в первой половине правления Тимура.

В этом царстве смерти и красоты зритель невольно проникается мистическим настроением. Чем больше смотришь, чем больше разбираешься в деталях, тем больше находишь разнообразия и красоты. Тут, в группе мавзолеев Шахи-

Зинды, каждый мастер давал свое — он не повторял и его не повторяли. Здесь заключено бесконечное разнообразие орнамента, богатая фантазия, изощренность художников в орнаментальных мотивах.

Далее мавзолеи идут только с западной стороны корридора, пустые места между ними когда-то заняты были такими же мавзолеями, от которых лишь остались фундаменты, скрытые под слоем могил. Мавзолеи эти единственны в своем роде по орнаменту. Ни времени их постройки, ни лиц, похороненных в них, мы не знаем. В первом из них на первый взгляд грубоваты переплетающиеся тесьмы с квадратным письмом, образующие геометрические фигуры. Но щеки ниши арки с растительным орнаментом — листовенным, цветочным превосходны, как и внутренность мазара, обшитая майоликой и изразцами. В портале второй усыпальницы интересны лиловые тона мозаики с золотыми прожилками и звездочками. Главные строители в Самарканде при Тимуре и тимуридах, поскольку имена их сохранились на самих памятниках, были персы. Однако, то, что они принесли сюда из своего искусства, не являлось здесь совершенно новым. Один из мавзолеев в том же Шахи-Зинда, перед входом в гробницу этого святого, другой на верхней площадке с именем Ходжа Ахмада и третий там же, датированный 762 г. х., относятся еще к дотимурскому времени и указывают, что та же архитектура, те же изразцовые украшения и тот же орнамент существовали здесь и ранее. Однако, полного развития окончательный расцвет искусство это получило при Тимуре и тимуридах.

Обилие мавзолеев в Шахи-Зинда в одном месте облегчает их изучение. Все мавзолеи сооружались по одному плану — квадратные в основании, с нишами под арками, посредине каждой стены, с окнами над ними, заделанными решетками, со сводом внутри, барабаном и куполом снаружи, со склепом под полом и лежащими на нем надгробиями. Своды иногда делались с гранеными переходами от четырехугольника в округлость — с перебитыми парусами, а купола рубчатые.

Корридор заканчивается сенью, перед которой вход в мечеть Туман-аки, одной из жен Тимура. Портал мечети приткнут к стене сени уцелевшим пилоном с голубыми прекрасными ажурными изразцами рядом стоящего мавзолея.

Из сени на север ведет лестница к трем другим мавзолеям на верхней площадке, а на восток тянется длинный темный проход, обходящий с севера и востока главную мечеть и ведущий к центральной святыне этого места — могиле Шахи-Зинда. Проход отделяется от сени двухстворчатыми воротами, карагачевыми, с чудесной резьбой, рельефным орнаментом, разветвляющимся в два плана, цветочным и листовым рисунком, датированными 801 г. х. (1400 г.). Здесь мы видим высокий образец резьбы по дереву. Тут мастерство переходит в искусство. Цельность первоначального очарования их утратилась вследствие выкрошившейся костяной инкрустации и покраски самих врат в недавнее время.

Перед входом в помещение с могилой Шахи-Зинда, куда обыкновенным смертным вход закрыт, купольная постройка, типа обыкновенного мавзолея, но без погребения, является судя по изразцовой дате на восьмиграннике под сводом самым древним из сохранившихся в Самарканде сооружением и относится к 735 г. х. (1336 г.). Постройка эта имеет бирюзовую панель из многогранных изразцовых плиточек, отороченную рамкой, с изгибающимся волнообразно стеблем растения с цветами, листьями и почками, мозаичные желтого цвета вазы с букетами по панели.

Верх стен под сводом, арочки, перекинутые в углах четырехугольника, восьмигранник над ними и купол из секторов выложены изразцами и майоликовыми плитками. Гипсовая штукатурка стен не раз подновлялась и потому не сохранилось стеной росписи. Помещение это отгорожено от мавзолея древней деревянной решеткой с отличной резьбой. Тут стоят бунчуки и знамена — эмблема духовной мощи. За решеткой находится купольное помещение с изразцовой панелью и белыми, штукатуренными алебастром стенами и сводом, с большим, в пять последовательно уменьшающихся ярусов надгробием, покрытым майоликовыми плитками. Кроме молитвенных надписей, на надгробии имеется и историческая, гласящая, что здесь покоится Куссам сын Аббаса, умерший в 56 г. х.

В главной мечети сохранилась только изразцовая панель из белых, зеленых и голубых кирпичиков и украшенный изразцами и майоликой михраб. Верх же здания уже не раз переделывался

Портало мавзолея на верхней площадке 762 г. х. имеет вид как бы одетого в сплошное кружево. Общий тон его бирюзовый, рельеф глубокий. Орнамент состоит из лент с каемками, вытянутых вертикально, разного уровня, в некоторых рельеф нанесен в два плана. Белые крупные рельефные письма резко выступают на широкой ленте кружевного бирюзового фона. Плоскости на щеках стен в нише входной арки заняты сеткой рельефных переплетающихся „диких линий“, которые, при внимательном осмотре, дают ряд всевозможных геометрических фигур, расходящихся от одного центра, причудливо переплетающихся, составленных из белых тесемок, перекрывающих резьбу орнамента. Внутренность этого мавзолея имела изразцовую панель, верх стен и свод были украшены майоликовыми сталактитами.

Точно также в замыкающем площадку мавзолея Ходжа Ахмада портале, сильно накренившемся вперед, переплетаются паутиною кружева майоликовых плиток и валиков. Изящные тесмы с ажурными прорезами избегают вверх, унося широкую строку белого письма из крупных букв, переплетенных с растительным орнаментом. Полосы чередующихся белых и голубых кирпичиков, полосы с крупными синими и звездообразными синева-лиловыми тарелками-колонки с отчетливым и растительным рельефом, пересеченным геометрическим орнаментом, надпись в ленте по изгибу арки — все это выше всякой похвалы.

Мавзолей 808 г., расположенный с западной стороны площадки, с своей мозаичной сплошной облицовкой портала, по строгости стиля и изяществу орнамента, по сочности красок должен быть признан шедевром. Тут не одно только техническое умение. Тут высокое напряжение творчества. Гамма красок и здесь дополняется в меру введенной темно-малиновой, почти черной. Здесь наиболее резко меняется цвет изразцов в зависимости от восприятия ими света и теней. Яркие краски взаимно уравновешены и слиты. Здесь, как и в других мавзолеях, декоративные эффекты занимают первенствующее значение, а чисто архитектурные задачи слишком просты. Зритель проникается чувством красоты и восхищается мастерством далекого прошлого. Лишь досадные пятна повреждений дорогой облицовочной одежды возбуждают сожаление.

Кто видел изразцы Шахи Зинда, того не поразят другие самаркандские изразцы. Окружающее кладбище, заброшенное, печальное и безотрадное, подступает к самым стенам шахзиндских мавзолеев. Тихое кладбище, мир тлени—и рядом мир красоты, мир свежих, радостных красок на мавзолеях.

Мадраса Надыр диван-беги.

Мадраса Надыр диван-беги, называемая так по имени своего строителя, сановника Бухарского эмира Иммак-кули-хана, находится на юг от Самарканда, верстах в четырех. Этим же сановником была основана в Самарканде мечеть Намазга, а в Бухаре несколько общественных зданий и знаменитый хауз (ляби-хауз). Мадраса эта в народе называется мадрасою Ходжа Ахрара, так как была построена при мазаре весьма популярного мистика и политического деятеля Ходжа Ахрара. С юга от мадрасы раскинулось обширное кладбище, центральное место которого занимает суфа с могилами Ходжа Ахрара и его родни.

Мадраса эта, давно заброшенная и нежилая, одноэтажна, с небольшим фасадным порталом и с большой мечетью (ханакой) в западной части двора. Свод внутренний, барабан и купол не сохранились, и ныне мечеть перекрыта плоской крышей, поддерживаемой деревянными колоннами. Однако, портал, высокий и легкий, со стрельчатой аркой и с сплошной изразцовой и мозаичной облицовкой, сохранился вполне удовлетворительно. Изразцовая отделка мадрасы носит следы, свойственные той эпохе. На внешних стенах наиболее интересным является орнамент на портале главной мечети и отчасти на фасадном портале. Здесь резко бросается в глаза геометрический орнамент из маленьких белых квадратных изразцов, обрамленных такими-же синими. На фасадном портале он образует цепь поставленных на угол и чередующихся поменьше и побольше квадратов, протянутую по рамам устоев, а на портале главной мечети такая же цепь образована из чередующихся медальонов и квадратиков. В обоих порталах фальшивые арочки, по три в каждом устое, заполнены растительным орнаментом с излюбленным букетом в вазе, вольтами стеблей, листьями и цветами. Однако, здесь букет и ваза, оконтурованные белым, сильно стилизованы. Стихотворная изразцовая надпись над входом в преувели-

ченных выражениях говорит о размерах мадрасы, об имени строителя Надыр-бека тогда и годе постройки — 1048.

Внутри мечети зеленая шашечная панель и михраб, обработанный майоликой и мозаикой с лентами надписей — свежий и блестящий. Вообще нужно сказать, что орнаментальный стиль изразцовой одежды мадрасы отлично выдержан, но и тут излишне изобилует желтый цвет, некоторая резкость красок и свойственная эпохе аляповатость.

Чаар-су.

Чаар су — молодой памятник: ему нет еще и 150 лет. Заслуживает он внимание потому, что является единственным сооружением гражданской архитектуры в Самарканде с давностью свыше сотни лет. Построен он был правителем Бухары Шах Мурадом в период заселения им Самарканда, пустовавшего тогда, насельниками из разных мест страны. Здание это представляет многоугольное помещение в центре с высоким куполом и с расходящимися от него радиусами шестью корридорами, перекрытыми малыми куполами. Оно предназначено было под торговое помещение и поныне сохранило этот характер.

Ходжа Данияр.

Мазар Ходжа Данияр расположен в живописной местности, на склоне лесового обрыва, в полугоре, у многоводного арыка Сизба. По одному преданию, здесь пребывал пророк Даниил, в поспоминание чего и почитается это место. По другому — это могила некоего святого Ходжа Данияра, который чудесно рос в ней. Могильное возвышение, помещенное в длинной и узкой сводчатой постройке, действительно солидной длины — около 40 аршин, при чем рост покойника по временам был интенсивен. Так как на этом чуде происходило обирательство суеверного народа, то со стороны еще старой власти последовал приказ, чтобы святой не смел расти. С того времени он не растет.

Мост на Зеравшане.

Несколько ниже ж.-д. моста через Зеравшан стоит, смущающая своей загадочностью, высокая из обожженного кирпича арка. Другая, смежная вскоре после проведения здесь желез-

ной дороги рухнула. Арка эта является одной из числа тех, которые цепью перекинута были через весь Зеравшан, служа мостом, построенным при Шейбани-хане, несколько более 400 лет тому назад. Однако, на этом же приблизительно месте и при тимуридах был мост, который также не был здесь самым ранним, ибо еще в первые века ислама у географов отмечается под Самаркандом мост через Зеравшан.

Чупан-ата.

На самой высокой точке возвышенности Чупан ата, близ Самарканда, выделяясь на небе, стоит видимое издалика со всех сторон купольное сооружение того же имени — Чупан-ата, по преданию, над могилой святого покровителя пастухов. Стада местностей долины Зеравшана и окружающих гор, с которых виден мавзолей Чупан-ата, находятся под покровительством этого святого.

Мавзолей Чупан-ата построен, по всей вероятности, в XV веке. Предание относит его к числу сооружений Тимура. Оно сильно расшатано и подперто с наружной стороны контрфорсами. Барабан с куполом необычно высок по сравнению с низким основанием, имеющим вид четырехугольной призмы. Изразцовая облицовка сохранилась только на части барабана и купола. В орнаменте, довольно простом имеются только три краски — синяя для фона плоскости барабана, голубая (для купола) и белая. По барабану вертикально вытянуты белые буквы. Весь орнамент „в крестик“. Внутри помещения стены и свод оштукатуривались многократно. Посредине находится намогильное возвышение.

Обсерватория Мирза Улуг-Бека.

От знаменитой обсерватории Мирза Улуг-Бека, внука Тимура, правившего Самаркандом, а в конце жизни и всей империей, сохранилось немного, добытое путем раскопок в 1908 году — половина гигантского квадранта, достигавшего по дуге почти 90 аршин, именно та часть его, которая была под горизонтом, в глубокой, до 17 аршин, траншее, высеченной в скале. Квадрант представляет две параллельных дуги, покрытых каменными плитами надлежащей сферической поверхности, по которым тянется по желобку, служившему гнездом для рельс. По рельсам передвигалась каретка с неподвижной трубой для наблюдения за движением небесных светил.

Квадрант поставлен в меридиане; и звезды проходят над дугами в момент наивысшего своего стояния. Наблюдения в течение ряда лет на обсерватории Мирза Улуг-Бека дали ему возможность написать труд „Кураганийские таблицы звездного неба“ с более точным определением места положения звезд, и выполнить другие работы, сделавшие автора их знаменитым не только на мусульманском Востоке, но и в западной науке. О Мирза Улуг-Беке будет дана самостоятельная работа.

Намазга.

Намазгою называется специальная мечеть для молений в годовые праздники — курбан и рамазан, когда молящихся обычные мечети и даже пятничные вместить не могут. При намазгах имеются обычно обширный сад или двор. Самаркандская намазга ровесница описанной мадрасы Надыр-диванбеги и основана тем же лицом. Находится она среди садов близ южной окраины туземного города и представляет длинное одноэтажное здание с порталом посредине восточной стены и тремя сквозными арками по сторонам. Через все здание проходит корридор, центральная часть его значительно расширена, является собственной мечетью с михрабом и минбаром, перекрыта сводом и штукатурена в михрабной части. Над этой частью поставлен барабан и купол. Изразцовая отделка имеется только на барабане и портале и весьма скудна. В намазге заслуживают внимания паруса, хотя и не представляющие исключения в средне-азиатской и даже самаркандской архитектуре, но выраженные здесь наиболее отчетливо. Сочетанием отдельных небольших плоскостей геометрической формы достигнут переход к окружности свода.

Ходжа Абди Бирун.

Далее, на юг от Самарканда, также среди садов, находится мавзолей Ходжа Абди Бируна, святого, относимого преданием к первым векам ислама. Постройка эта тимуридских времен. Довольно крупных размеров мавзолей Ходжа Абди Бируна украшен изразцами далеко не весь, а только барабан, купол и восьмигранное основание под ним, а также верх в портале над стрельчатой аркой и некоторые другие места. Здесь необычно большое внимание мастером обращено было на украшение основания под барабаном — из сочетания квадратных букв составлен переплет, при чем неко

торые буквы, в зависимости от чтения в вертикальном или горизонтальном направлении, входят в два и три слова, а задняя грань основания покрыта синими кирпичиками, образуя изящную плетенку. Следует отметить, что выше обычного крупного письма по барабану в орнаментальной раме идет другая неширокая полоса письма вязью, что необычно.

Ходжа Абди Дарун.

На юго-восточной окраине Самарканда, на большом кладбище, расположен мавзолей имени другого Ходжа Абди, по преданию, отца упомянутого выше. Этот Ходжа Абди носит прибавку к имени Дарун, что значит, „внутренний“, так как в отличие от первого мавзолея, лежавшего тотчас же за внешней городской стеной, окружавшей Самарканд на 40 верст, у самых ворот в этой стене, Ходжа Абди Дарун находится внутри стены. По орнаментальным украшениям он весьма прост. Портал украшен исключительно геометрическим орнаментом „крестиком“, будучи выложен синими и голубыми кирпичиками. Панель, в нише, а затем панель внутри мавзолея составлены из изразцовых шестигранников в виде шашек. Точно также купол (синий), барабан и основание под ним носили весьма простую изразцовую одежду.

Ишрат-хана.

Сильно тронутое рукою времени здание Ишрат-хана (дом удовольствий), название которого смущает многих, в сущности представляет собою мавзолей — надгробную часовню, построенную при тимуриде Абу Саиде около 868 г. х. и в ней покоится одна из дочерей его. Здание это расположено на окраине Самарканда, на ю.-в. от старого города, близ мавзолея Ходжа Абди Даруна, и состоит из величественного портала и ряда полуразрушенных помещений с обширным слепом под центральной частью. Еще недавно над центральным залом смело возносился необыкновенно высокий барабан, незаметно переходивший в приподнятый, сжатый с боков высокий купол. Вокруг центрального обширного и высокого зала со всех сторон, кроме занятой порталом, имелся второй этаж худжр.

Здание Ишрат-ханы оригинально не только своим необыкновенно высоким куполом и барабаном, не только не

вредившим красоте его, но, наоборот, усиливавшими общий эффект сооружения, оно является оригинальным также по орнаментальному украшению наружных частей его. Талантливый мастер употребил в дело небольшое количество изразцов и мозаичных плиток, живописно раскиданных на светло-коричневом фоне изящных притертых кирпичиков с слегка углубленными, тщательно расшитыми швами. Этот фон придает краскам изразцов и мозаичным пятнам особенную яркость и игру. Фасад, тем не менее, кажется украшенным изысканно, но, вместе с тем, носит строгий характер, и в нем восхищают тонкие и изящные подробности. Почти полное отсутствие надписей на портале Ишрат-ханы также необычно для этого типа зданий.

Арка портала кажется весьма вытянутой и два яруса фальшивых арок на наружных плоскостях устоев портала чрезвычайно вытянуты. Соотношение частей здания и необычайно скупно пущенная изразцовая облицовка были хорошо прочувствованы, высокий масштаб художественной техники сказывается во всем. Барабан был орнаментирован согласованно с порталом — весьма скудно изразцами.

В отличие от малой красочности в наружных украшениях здания, стены и своды во внутренних помещениях нижнего этажа и центрального зала, поскольку можно судить о том по уцелевшим частям, когда-то были богато, местами сплошь, расписаны ярко и нарядно. Красные и синие тона господствовали, „кундаль“ (рельеф) из красной глины, дающий отличные художественные эффекты, здесь также был применен. Широколистный орнамент на спирлях или на изогнутых стеблях идет между полос бордюра с мелким рисунком, расположенным по архитектурным линиям или по членениям стен.

Вход в склеп находится в юго-восточном углу центральной залы. Лестница в два марша ведет в обширное помещение, двенадцатигранное в плане, тщательно покрытое алебастровой штукатуркой, но с ободранными и унесенными панелями. Пол засыпан толстым слоем мусора.